

К. В. Левшин

Причины дезертирства в Красной Армии (1918–1921 гг.)

Дезертирство в годы гражданской войны было массовым явлением, охватившим миллионы людей. Крушение старой армии, а с ней и понятия о дисциплине, хозяйственная разруха не располагали к тому, чтобы армия крестьян и рабочих смогла избежать такой вневременной болезни, как дезертирство. Масштабные боевые действия, чрезвычайные мобилизационные меры большевистской власти делали каждого, по выражению В. Чернова, «военнообязанным крепостным воюющего государства», которое неотступно и последовательно требовало «...себе всего человека — всего без остатка...»¹ Ф. Дан в своих воспоминаниях передал мрачную шутку своего собеседника, красноармейца-конвоира, о трехмиллионной армии: «миллион бежит, миллион сидит, миллион ловит и водит»². По подсчетам Г. Кривошеева, за всю войну «выявлено» 2 846 тыс. дезертиров (из них 837 тыс. задержано)³. Передавая масштаб проблемы, с которой вынуждена была сосуществовать советская власть, Р. Муклевич назвал дезертирство в рассматриваемый период «бытовым явлением»⁴.

Основными причинами дезертирства были тяжелые условия службы, нежелание участвовать в боевых действиях, а также необходимость поддержания хозяйства, возраставшая в периоды полевых работ и определявшая его сезонный характер. Все это накладывалось на утомление от многолетней войны. Главком И. Вацетис среди причин неуспеха мобилизации на селе и дезертирства крестьян, кроме «веками привитого недоброжелательства к солдатчине», отметил общую неразвитость деревни, хлебную политику большевиков и бестактные действия местной власти⁵.

Вопрос личностной, психологической составляющей дезертирства сопряжен с тремя связанными между собой аспектами. Во-первых, война изменяет выработанные в обычной жизни модели поведения, предъявляет повышенные требования к психическому здоровью солдата. Во-вторых, *гражданской* войне не присущи, или

**Левшин Константин
Викторович,**

*аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
petrograd84@mail.ru*

же искажены ею, такие понятия, как патриотизм, вера, Отечество. Английский военный психолог Н. Коупленд выделил пять важнейших психологических факторов воина: он должен верить в себя, в свои силы, в своего командира, в свою страну, в дело своей страны. Налицо неприменимость (или извращенное понимание) части указанных позиций к гражданской войне в России. Зачастую на первый план выходил набор ценностных ориентиров, которые большевистская пропаганда объединяла термином «шкурничество». В-третьих, преемство советской власти российской государственности и «права» на призыв и использование жизни своих подданных («граждан») было весьма спорно, а само бегство было испытанным способом сопротивления правящему режиму.

Одним из почти не задействованных ранее источников по истории гражданской войны являются анкеты дезертиров. В фонде 5275 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга отложились анкеты Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством. Опросные листы содержали 30 (с 1920 г. — 33) вопросов, сгруппированных по тематическим блокам. Красноречиво название одного из них: «сведения, характеризующие утомленность войной». По частоте упоминания причин побега следует назвать необходимость помочь семье («некому работать», «помочь семье посеять хлеб», «желание поддержать хозяйство», «семейные неурядицы», «прясло городить», «болезнь жены и бедность семьи», «работа на огороде» и т. п.), также отнесем сюда трогательную категорию «соскучившихся». Многие опрошенные заявляли о невозможном существовании в армии («недостаток пищи в полку», «из-за голоду»). Отметим и побеги, напрямую связанные с «нежеланием ехать на фронт», с тем, что «не хотел служить».

Рассматривая причины бегства красноармейцев, нужно в первую очередь говорить о факторах материальных, главным образом — о недостатке пищи и совершенно неудовлетворительных казарменно-бытовых условиях. По С. Оликову, массовое дезертирство — это «следствие хозяйственной разрухи и необеспеченности семей красноармейцев»⁶. А. Луначарский считал, что подавляющее большинство бежало «вовсе не из ненависти к Советской власти, а потому что плохо кормят и совсем не обувают»⁷. В условиях нищеты даже то небольшое, что могла дать Красная Армия — одежда, обувь, амуниция, — были желанной добычей. После побега все это нередко распродавалось и после добровольной сдачи властям с большой вероятностью выдавалось вновь. Возникал некий порочный круг: «Дезертиры расхищают обмундирование, недостаток которого вызывает дальнейшее дезертирство»⁸. Своеобразный процесс передвижения материальных благ был двунаправлен. Нередко целью побега и было «подкормиться» — этот тип дезертиров получил название «сухарники». Указание в качестве причины дезертирства уход «домой за хлебом» — одно из самых частых по упоминанию в анкетах дезертиров Северо-Запада.

Псковский губернский военком Сергеев в своей речи 22 августа 1918 г. объяснил желание избежать службы ее «несносными» условиями: «Люди сплошь и рядом спят на голом полу,

на грязных рогожах, что, конечно, не может не отразиться на духе красноармейцев...»⁹ Общая неустроенность тыла и военного аппарата, голод, холод — сама обстановка «толкала на бегство домой, в теплую хату, к хорошей пище»¹⁰. Дезертир Сродников оправдывал свой поступок так: «...меня вынудило приехать домой только благодаря голодовки, которая не без секрета всем известна, и на том пайке, который получают красноармейцы жить очень трудно»¹¹. Имели место случаи бегства из тыловых частей на фронт, где лучше кормят. На размах дезертирства повлияли и эпидемии тифа, холеры в условиях антисанитарии и скученности людей. В письме в «Красную газету» (без даты, 1919 г.) содержатся невеселые картины армейского быта: «Ходили босые и голодные и спали на голых нарах бани... паразиты нас совсем заели... пьем сырую воду, а в газетах пишут, что появилась холера... каждый день на поверке валится человек 30... но если что комиссару скажи, то он лезет с кулаками или отправляет в штрафную роту, весь военный командный состав заставляет делать дезертирство, они делают этим недоверие советской власти»¹². Показательно описание Учетно-пересыльного пункта (наб. р. Фонтанки, д. 90), через который проходили тысячи дезертиров: «Помещается пункт в самом отвратительнейшем здании, худшего в Питере кажется трудно подыскать. Сточные трубы лопнули и все нечистоты идут в Яму во внутреннем дворе, эта яма постепенно расширяется... Само здание низкое, темное... словом, идеальный тип Аракчеевский...»¹³. Удрав оттуда (что было очень легко), случайный дезертир моментально превращался в рецидивиста.

В сборнике документов «Горячешный и триумфальный город» целый раздел носит знаковое для нашей темы название «В красной армии служить не дай Бог». Весьма красноречивы приведенные там перехваченные цензурой письма: «Пришлите ради Бога сухарей, а то очень голодно. Хлеба дают 1 фунт. Суп варят очень плохой. В казармах очень холодно, дров в печи не дают, приходится воровать у мирных жителей. Воши совсем съели, в баню гоняют, но белья не меняют. Совсем плохо — и холодно, и голодно. Одежда рвется, новую не дают.»¹⁴ Такая ситуация, особенно в частях, находящихся вне боевой обстановки в скучающе-расслабленном состоянии, не могла не вызвать массовой утечки личного состава. И все это — в условиях территориального принципа комплектования Красной Армии, когда часть располагалась недалеко (по российским меркам) от малой родины, и велик был соблазн разом решить все свои проблемы.

Призыв в армию был неминуемо связан с разрывом с домом, семья теряла кормильца, хозяйство — рабочие руки. В условиях войны провал запашки или сенокоса в отсутствие красноармейца мог обернуться голодом и гибелью домочадцев. В докладе агитатора псковского губернского военкомата Пугачева (май 1919 г.) описано отношение крестьян к мобилизации: «В беседе бедняки объяснили, почему они не готовы идти на фронт: не хотят бросать свои семьи на произвол судьбы, т. к. даже "...когда дома не можешь ничего добиться, а когда уйдешь так и совсем погибнут..."»¹⁵. Н. Мовчин даже назвал беспокойство красноармейца за семью «одним из самых законнейших оснований для дезертирства»¹⁶. Это признавала (хотя и не оправдывала) и официальная пресса: «правда, у каждого рабочего и трудящегося крес-

тьянина, весной в особенности найдется тысяча порой очень резонных причин самовольно оставлять казарму или фронт, уйти домой и заняться мирным трудом...»¹⁷ Часто родные своими письмами сами провоцировали красноармейца на побег. Дезертир «застревал» дома и продолжал свое падение.

Создание реально работающей системы социального обеспечения семей красноармейцев виделось советской власти едва ли не основным методом искоренения массового дезертирства, ведь «корни дезертирства лежат в тылу... всякая работа на фронте в области борьбы с дезертирством будет бесплодна, если она не будет опираться в эти корни»¹⁸. В пропагандистских целях укрыватели дезертиров (особенно родители-кулаки) приговаривались к общественным работам на полях семей «честных красноармейцев», распределение конфискованных у дезертира земли и скота производилось также в их пользу. В обязанности комиссий по борьбе с дезертирством был включен и контроль над «отсобезами, комкрасхозами и земотделами» в вопросах оказания помощи хозяйствам красноармейцев.

В газетах помещались призывы к красноармейцам сообщать о фактах неоказания помощи родным с указанием адресов для последующего реагирования. Для сбора многочисленных жалоб повсеместно оставались специальные ящики. Большое внимание вопросам снабжения семей красноармейцев было уделено на XI общегородской конференции РКП(б) 29 ноября 1919 г. Партийные работники представили безрадостное положение на этом своеобразном фронте: «...в большинстве случаев наши ордера оказываются только ордерами... дров нет и семья красноармейца ходит неделями за этими дровами и возвращаются домой только с ордером... если вы выдадите красноармейцу 400–600 рублей на пять членов это по теперешней дороговизне не имеет значения... это нуль... у красноармейца две, три, а иногда и четыре жены, это факт и надо выдавать чуть не 27 детям паек... местные власти вместо того, чтобы выдавать паек жене или отцу красноармейца отбирают последнюю корову»¹⁹.

Любая случайность: просроченный на несколько дней отпуск, невозможность вернуться в часть по причине занятия белыми определенных территорий или железных дорог, — все это могло сделать из честного красноармейца дезертира, который, боясь наказания, переходил на нелегальное положение. Нельзя отрицать положительной роли комиссий по борьбе с дезертирством, но было очевидно, что часто они «пугали» не злостных дезертиров, и те «погружались все глубже и глубже в пучину». Расформирование комдезертир «произвело положительное впечатление на население, нравственно уставшее от чрезвычайных мер»²⁰.

Чрезвычайный характер жизни военного времени, оформление законодательной базы «по ходу», «перегибы» на местах создали ситуацию, при которой сама система так или иначе подталкивала население к уклонению и дезертирству. С. Оликов в своей деятельности не сталкивался с целыми волостями, где «даже представители Советской власти не знали о мобилизации тех или иных возрастов»²¹. Заместитель председателя Высшей Военной инспекции И. А. Данилов в мае 1919 г. среди основных причин угрожающих масштабам дезертирства на-

звал самодурство, взяточничество, насилие, чинимые советскими работниками. Катастрофическому уклонению способствовала «спутанность населения сменой властей, призывов, мобилизаций и фактическая безнаказанность уклонения»²². Вольготная жизнь знакомых уклонистов, односельчан-«бегунцов» была серьезным побудительным мотивом к оставлению службы. В письмах красноармейцы спрашивали, как живут их бежавшие товарищи. Кары, которые советская власть громогласно обещала обрушить на этих предателей трудового народа, на практике, в большинстве своем, были далеко не такими страшными. С 1919 г. дезертиры и уклонисты составили основной мобилизационный ресурс для Красной Армии, и в основе своей после добровольной сдачи или задержания попадали опять-таки в армию, причем нередко (особенно в 1918 — начале 1919 г.) — в свою же часть.

Один из наиболее распространенных типов дезертирства — «с пути следования», из эшелонов. Главной причиной видится недостаточная организация транспортировки с ее тяжелыми условиями, стоянками на станциях «по суткам и более». Зимой вагоны не были оборудованы даже элементарными печками-буржуйками, командир не знал «своих» красноармейцев и наоборот, из-за чего наблюдение и борьба с побегами затруднялись. Нередко отсутствовало всякое содействие со стороны администрации железной дороги, комендантов станции; под дезертиров отводили не отдельные вагоны, а рассаживали их по всему поезду вместе с пассажирами. По изящному выражению Н. Мовчина, «эшелоны... таяли в дороге, и часто прибывал только командир эшелона со списком»²³. Приведем вполне рядовые (и интересные как раз своей обыденностью) данные из справки декабря 1919 г. по отправлениям из Островского и Опочецкого уездных военкоматов (Псковская губерния) в 1-й Запасной полк, в Гжатск (соседняя Смоленская губерния): 10 декабря отправлено 355, прибыло 266; 15-го отправлено 76, прибыло 37; 17-го отправлено 51, прибыло 40²⁴. Интересны показания красноармейца Островской караульной роты А. Васильева. По его словам, на 102 транспортируемых им дезертира приходилось лишь 5 конвоиров, включая его, «при движении тихим поездом даже один из товарищей команды выпрыгнул на ходу из поезда по которому я стрелял, но выстрел был напрасный... Мною на ст. Бологое было заявлено, что я сопровождаю команду дезертиров и отпускных по болезни и требовал отдельной теплушки, а то у меня люди разбегаются, он (комендант ст.) ответил: что “разбегаются и черт с ними”»²⁵.

В 1919 г. в РСФСР была создана система легального освобождения от воинской службы «по религиозным убеждениям и велению совести», что хронологически совпало с пиком гражданской войны и разгулом массового дезертирства. Большое распространение получило «Богом санкционированное дезертирство» на религиозной или лжепацифистской почве. Декрет 4 января вольно или невольно потворствовал тем, кто стремился «под религиозным флагом уклониться от общегражданских повинностей», поэтому его применение шло с большими трудностями: в каждом отказнике видели злостного дезертира. По указанной религиозной принадлежности на декабрь 1920 г. расстрелянные за дезертирство распределились следующим

образом: баптисты — 36, евангельские христиане — 4, адвентист — 1, толстовцы — 18, молокане — 7²⁶. В качестве примера рассмотрим дело «военмора» Балтийского флота Евгения Волкова, который отказался выдвигаться на фронт 31 октября 1919 г. против армии Юденича. Свой поступок он мотивировал тем, «что с настоящего момента... пришел к убеждению, что убивать нельзя». Такую мысль Волков вынес, изучая Евангелие и работы Л. Толстого, а «не давши жизнь не имеешь право отымать ее...» Следствие подчеркивало, что Волков нес службу с 1911 г., а отныне он «отказывается не только воевать, но и работать для войны»²⁷. Напряженная обстановка под Петроградом определила приговор — расстрел.

С. Федорченко в книге «Народ на войне» прекрасно передала атмосферу эпохи в восприятии крестьянско-солдатской массы. Лесная жизнь дезертиров трудна и малоприятна с моральной и с физиологической стороны, так почему же этот выбор сделали в большинстве своем неплохие люди, часть простого народа, «перепаханного» войной? Причины, толкнувшие к дезертирству, отражены в следующих высказываниях: «Не мог я русской крови видеть... Вот я и ушел в лес...; А я в лес ушел обдумавши. Месяц-два — кончится война, я целым выйду...; Кто как, а я прямо скажу: страхом хворать стал»²⁸.

Все это, конечно, не исчерпывает список причин дезертирства. Можно вспомнить «неисправимых дезертиров уголовного характера» или тех, чьи «нервы не выдержали ужасов смерти и войны». Оригинальными основаниями для побега были «растрата денег коллектива» или «личные счеты с комиссаром».

Германская война унесла более двух миллионов жизней, оставила множество пленных и калек. Общественные силы были надломлены, страна нуждалась в передышке. Именно в этот момент «мировая бойня» переходит в бойню гражданскую. Самоустранение от нее было принципом поведения множества людей. Индивидуальное желание уклониться от мобилизации или дезертировать сочеталось с готовностью различных групп укрыть их. Такая поддержка санкционировала преступление. Представления о люфте между законом (государственной позицией) и справедливостью (народной правдой) играли здесь на руку дезертирам.

В годы гражданской войны массовое дезертирство «...являлось свидетельством того, что личные интересы (впервые в российской истории в столь массовом масштабе) становились гораздо выше официально проводимых государственных». Тем более что «государств» («сторон», «правд») в этой войне было как минимум два. Жажда выжить охватывала тех, кому «были неясны цели войны и было все равно, за кого сражаться, лишь бы не сражаться»²⁹. Исследователь В. Лапин в статье о дезертирах XIX в. приводит понятие «приватизация войны». Это явление имеет место, когда в ходе войны «она до такой степени становится частным делом, что позволяет отдельным личностям выбирать свой особый путь», исход войны, ее цели практически теряют свое значение³⁰.

Повальное дезертирство было остановлено лишь по окончании гражданской войны. Огромные организационные усилия были потрачены на борьбу с этим злом, но обернулись на

практике только его сдерживанием. Таким образом, массовое явление, которое власть едва ли не каждодневно требовала окончательно искоренить в кратчайшие сроки, пошло на спад и прекратилось в результате естественных причин и «само собой».

-
- ¹ Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 12.
 - ² Дан Ф. И. Два года скитаний. М., 2006. С. 66.
 - ³ Кривошеев Г. Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.
 - ⁴ Муклевич Р. Политработа в боевой обстановке. М., 1926. С. 96.
 - ⁵ Звезда. 1919. 3 января.
 - ⁶ Оликов С. П. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. Л., 1926. С. 88.
 - ⁷ Чит. по: Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 304.
 - ⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 5275. Оп. 9. Д. 375. Л. 1 об.
 - ⁹ История органов внутренних дел Псковской области / Под общ. ред. С. Е. Матвеева. Псков, 2006. С. 432.
 - ¹⁰ Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. М., 1926. С. 128.
 - ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 5275. Оп. 7. Д. 3. Л. 19.
 - ¹² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб). Ф. 16. Оп. 1. Д. 502. Л. 26.
 - ¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 457. Л. 22.
 - ¹⁴ «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы / Сост., авт. предисл. и коммент. М. В. Ходяков. СПб., 2000. С. 133.
 - ¹⁵ Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 26.
 - ¹⁶ Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. С. 129.
 - ¹⁷ Северная коммуна. 1919. 7 июня.
 - ¹⁸ Оликов С. П. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. С. 47.
 - ¹⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 143. Л. 28–29, 40.
 - ²⁰ Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 609. Оп. 1. Д. 749. Л. 2.
 - ²¹ Оликов С. П. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. С. 63.
 - ²² Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. С. 129, 131.
 - ²³ Там же. С. 117.
 - ²⁴ ГАПО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 680. Л. 11.
 - ²⁵ Там же. Л. 21.
 - ²⁶ Подсчитано по: Архив Государственного музея истории религии. Ф. 2. Оп. 23. Д. 16, 60.
 - ²⁷ Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 30. Л. 5, 7, 10 об.
 - ²⁸ Федорченко С. З. Народ на войне. М., 1990. С. 285–286.
 - ²⁹ Щеголхина С. Н. О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 173–174.
 - ³⁰ Лапин В. В. Дезертиры в Кавказской войне XVIII–XIX вв. // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: Сб. Тамбов, 2007. С. 71.